

— Снято неплохо.

Как же до этого дошло!

Красивый мужчина с четко очерченной линией челюсти держал во рту тлеющую сигарету, слегка окрашивавшую его нежно-розовые губы. Одной рукой он держал телефон, на который только что сделал снимок, и разглядывал его так внимательно, будто это была величайшая редкость. Его персиковые глаза, казалось, были поглощены содержимым экрана, в то время как другая рука, словно ядовитая змея, крепко прижимала Ци Цина к себе, не давая ни малейшего пространства для маневра.

Ци Цин чувствовал себя пленником дьявола, запертым в его клетке, где единственным доступным местом была лишь та крошечная площадка, которую милостиво оставлял ему мучитель.

Безупречная кожа, изящные черты лица и эта холодная, отстраненная улыбка — красота парня была настолько ослепительной, что на него невозможно было смотреть, не рискуя обжечься.

— Не подходи так близко! Отойди! — Ци Цин, покраснев, изо всех сил попытался оттолкнуть мужчину, но история повторилась: он не сдвинулся ни на дюйм! Это невозможно! Это противоречит законам физики! Он ведь только на днях тренировал руки, тренер хвалил его успехи! Почему Цинь Аньюй, который выглядит как тонкая бамбуковая тростинка, оказался таким тяжелым?

Персиковые глаза скользнули по нему, словно заприметив что-то крайне любопытное.

Цинь Аньюй, словно пуская холодную стрелу, сунул телефон в карман джинсов Ци Цина. Холодный твердый корпус, точно юркая змейка, заскользил по узкой ткани, неприятно щекоचा и царапая бедро, отчего Ци Цин едва устоял на ногах. Он вцепился в край раковины, чтобы не упасть — рухнуть на колени было бы верхом позора!

Стоило ему совершить это произвольное движение, как парень перед ним вспыхнул, словно спелое яблоко. Он прижался к груди Цинь Аньюя, как пушистый ластящийся зверек, а мягкие волосы коснулись его кожи, подобно легкому облаку. Сердце Ци Цина забилось с такой силой, словно по грудной клетке били барабаны.

Мальчишки так легко приходят в возбуждение — точно весенние цветы, стоит лишь слегка коснуться, как они расцветают во всей красе. Цинь Аньюй тихо рассмеялся, и этот смех, подобно мягкому весеннему ветерку, прошелестел над ухом Ци Цина.

Тот пришел в ярость и от стыда запрыгал на месте:

— Чего ты смеешься! Что тут смешного!

Щелк! Раздался звук затвора камеры.

— Ты! — Ци Цин широко распахнул глаза. Цинь Аньюй его сфотографировал!

Цинь Аньюй отступил на два шага, ловко уклонившись от атаки.

Ядовитая змея довольно усмехнулась. На лице снова засияла ангельская улыбка, и он повернул экран телефона к Ци Цину:

— Получился очень красивый кадр.

На фотографии лицо Ци Цина пылало, в глазах блестели слезы. В полумраке туалета изображение вышло размытым, но выражение лица выдавало человека, который только что стал жертвой издевательств: губы плотно сжаты, неестественно красные, точно переспелая вишня, словно их только что искусали или зацеловали до припухлости.

Юноша стоял красный как рак, тяжело дыша, сжав кулаки. Он отчаянно пытался сопротивляться — и словами, и силой, но Цинь Аньюй легко избегал всех его выпадов, лишь крепко хватая за руки и отшвыривая назад.

С самого детства он не знал такого унижения, но перед этим двуличным лицемером он раз за разом оказывался бессилён.

Юноша затих. Видимо, гнев достиг предела, и он просто оцепенел. Ему было так обидно, что на глаза наворачивались слезы.

Цинь Аньюй слегка приоткрыл губы, затем снова сомкнул их. Игривость в глазах погасла, сменившись спокойствием. Словно потеряв интерес к затянувшейся игре, он решил закончить фарс.

— Теперь у меня есть на тебя компромат, — Цинь Аньюй затянулся сигаретой. — Если ты посмеешь рассказать кому-то о том, что произошло сегодня вечером, эта фотография станет моим козырем.

Он насмешливо улыбнулся, его взгляд слегка блеснул:

— В конце концов, вид гениального композитора в таком беспомощном состоянии привлечет куда больше внимания, чем скандал с таким ангелом, как я.

Цинь Аньюй убрал телефон и вернул себе прежний холодный и отстраненный вид:

— Если будешь вести себя послушно, я гарантирую: об этом вечере будем знать только мы двое, небо да земля. Третьего не будет.

— Правда? — осторожно спросил Ци Цин. Это было совсем не похоже на его обычный дерзкий нрав. Он даже смотрел на него с опаской, как щенок, натворивший дел и ожидающий прощения хозяина, хлопая своими большими, как виноградины, глазами.

Цинь Аньюй отвел взгляд:

— Угу.

Он уже собрался уходить, как вдруг щенок ухватил его за край одежды. Постоянные физические контакты вызывали у Цинь Аньюя легкое раздражение.

— Прости, — прошептал Ци Цин.

Цинь Аньюй подумал, что ослышался. Но не тут-то было: Ци Цин дернул его на себя, встретился с ним взглядом, полным растерянности, и гаркнул:

— Прости!

У Цинь Аньюя заложило уши.

— В первой сцене... я не специально тебя задираю, — Ци Цин надул губы и демонстративно отвернулся, чтобы не показывать лица, хотя это лишь сильнее привлекало внимание мужчины. — И сегодня вечером... я вообще-то собирался извиниться. Но потом... в общем, вышло как вышло.

Ци Цин разжал руку.

На душе у Цинь Аньюя вдруг заскребло чувство вины, словно он обидел ребенка. В пустом желудке неприятно заворочалось, в голове зашумело. Все тело охватило странное недомогание, будто тысячи крошечных иголок впились в кожу. Глядя на чистое, как белая яшма, личико Ци Цина, он не смог произнести ни одной колкости.

Ци Цин чувствовал себя полным идиотом. Опозорился по всем фронтам: думал, что нашел рычаг давления, а в итоге сам попался в ловушку; собирался извиниться, а в итоге оказался под угрозой.

Он погрузился в мысли о собственной глупости.

Холодные пальцы коснулись его руки, потянули ладонь на себя. Ощущение прохладной твердой поверхности заставило Ци Цина отдернуть руку, будто его ударило током.

Конфета? Ци Цин в шоке уставился на леденец в ладони, переводя растерянный взгляд на Цинь Аньюя.

Тот смотрел на этого жалкого щенка: румянец еще не сошел с лица, губы, похожие на спелую вишню, были искусанными, на лбу от недавней борьбы выступил легкий пот. В сочетании с этим потерянным взглядом он выглядел откровенно глупо.

Цинь Аньюй не сдержался и потрепал его по макушке. Волосы были мягкими, как шерстка щенка. Настроение заметно улучшилось.

— Хороший мальчик, — промурлыкал он.

Это действие подействовало как искра, брошенная в бочку с порохом. Щенок взорвался: Ци Цин пришел в ярость, посчитав это величайшим оскорблением! Конфета, трепание по голове, еще и хороший мальчик! Его что, держат за трехлетку? Да его даже в три года так по-детски не утешали!

— Сам ты хороший мальчик! — Ци Цин вытолкал его из туалета, заперся в кабинке и решил больше не показываться.

Цинь Аньюй, оказавшись в коридоре, невольно усмехнулся.

Про себя он подумал: а щенок-то был милым.

<http://bllate.org/book/21461/2194660>